

при назначении дела к слушанию предавать обвиняемого суду, с тем, чтобы обвиняемый приобрел статус подсудимого со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

Вместе с тем более правильным следовало бы назвать рассматриваемую стадию "Судебное подготовительное производство". Эта стадия "по горизонтали" включала бы следующие элементы: 1) предание суду и подготовительные действия по уголовным делам; 2) подготовительные действия к судебному заседанию по делам о применении принудительных мер медицинского характера; 3) подготовительные действия суда по дополнительным производствам.

Стадию *исполнение приговора* более правильно следовало бы именовать "*исполнительное производство*", поскольку в этой стадии решаются вопросы, связанные не только с исполнением приговора, но и других актов суда первой инстанции. Причем из этой стадии необхо-

димо выделить самостоятельные дополнительные производства.

И, наконец, не является *стадией* возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам – это самостоятельное полистадийное производство. Оно последовательно проходит стадию возбуждения производства (ст. 386 УПК), стадию досудебного производства (предварительное расследование – ст. 387 УПК), а затем и судебные стадии.

Итак, по нашему мнению, в современном уголовном процессе имеет место следующая система уголовно-процессуальных стадий: 1) возбуждение уголовно-процессуального производства; 2) предварительное (досудебное) производство; 3) судебное подготовительное производство; 4) судебное разбирательство; 5) кассационное производство; 6) исполнительное производство; 7) производство в надзорной инстанции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
2. См.: Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. Добровольская Т.Н., Элькин П.С. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы производства // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1978.
3. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск, 1994.
4. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1984.
5. Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970. С. 6–7.
6. Ленский А.В. Досудебное (предварительное) производство в системе уголовного процесса России. Томск, 1997.
7. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск, 1994.

Статья поступила в научную редакцию 1 октября 1998 г.

УДК 343.1

А.В. Солодилов

МЕСТО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ СУДОПРОИЗВОДСТВ

Рассматриваются проблемы определения места судебного контроля над предварительным производством в системе современного уголовного процесса России. Предлагается, используя положения концепции дифференциации уголовного судопроизводства, а также ряд категорий системного подхода как универсального общенаучного метода познания, рассматривать судебный контроль как новое, не имевшее ранее места уголовно-процессуальное производство, определяемое как "комплексное". Решение поставленной задачи ведется на примере судебной проверки законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей.

Проблемы, возникающие при определении понятия судебного контроля над предварительным производством, обосновании его необходимости как важной процессуальной гарантии, уяснении правовой природы данного института, неразрывно связаны с вопросами, касающимися дифференциации уголовного процесса.

Прежде всего, необходимо определить то место, которое занимает судебный контроль над предварительным производством в системе производств современного уголовного процесса России. Вопрос о допустимости дифференциации уголовного судопроизводства в настоящее время практически не дискутируется. В результате долгой и достаточно острой полемики почти все ученые-процессуалисты сошлись во мнении о том, что дифференциация уголовного процесса не просто допустима, но в ряде случаев необходима для решения как научных, так и практических задач. До сих пор нет единого мнения о критериях дифференциации.

Вряд ли есть необходимость в настоящем исследовании останавливаться на освещении различных точек зрения по данному вопросу. Представляется достаточно указать, что автор разделяет по данному вопросу точку зрения Ю.К. Якимовича. Основные положения указанной позиции сводятся к следующему.

1. Дифференциация уголовного процесса в форме выделения различных видов производств (систем производств) и существования в рамках одного вида уголовных судопроизводств ряда подвидов производств допустима и не противоречит положениям уголовно-процессуального права.

2. Дифференциация уголовного судопроизводства понимается как наличие в рамках единого уголовного процесса производств, качественно различающихся между собой по степени сложности процессуальных форм.

3. Универсальным критерием дифференциации уголовного судопроизводства на виды производств является

ся направленность производства, выражающаяся в его задачах и предмете. По данному основанию уголовный процесс делится на три вида производств:

– основные производства. Они направлены на выяснение вопросов о том, было совершено преступление или нет, виновности конкретного лица, о мере ответственности лица. Эти производства закрепляют или не закрепляют определенные уголовно-правовые отношения:

– дополнительные производства. Их цель – изменение либо досрочное прекращение установленного уголовно-правового отношения:

– особое производство. Это производство не направлено на установление или изменение уголовно-правового отношения. Устанавливается наличие такого отношения, но не его содержание; целью же такого производства является решение вопроса о применении или не применении к лицу, в отношении которого ведется производство, мер принудительного характера.

Не все авторы придерживаются подобной терминологии. Д.Н. Добровольская именует “особыми” производства, рассматриваемые здесь как “дополнительные” [1].

Критерий направленности уголовно-процессуального производства является первичным, основным. Небезынтересной в данной связи представляется формулировка Т.В. Трубниковой, которая полагает, что основным критерием дифференциации уголовного судопроизводства является приспособленность различных производств для различных потребностей [2, с. 21].

Выделение, т.е. собственно дифференциация самостоятельных видов уголовно-процессуальных производств в системе основных производств, возможно в зависимости от сложности процессуальных форм. Критерий сложности выражается в следующих аспектах:

– наличие определенной материально-правовой базы, требующей особенностей в процессуальном регулировании таковой. Единственным основанием в данном случае является степень общественной опасности преступления. Это уголовно-правовое основание дифференциации;

– степень сложности установления фактических обстоятельств дела;

– возможное наличие у лица, в отношении которого ведется производство, или у лица, пострадавшего от преступления, определенных значимых особенностей, а также интересы этих лиц.

В зависимости от оснований основные производства подразделяются на:

– обычные производства – такие, по которым судебной деятельности предшествуют последовательно стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (дознания), т.е. налицо обычная форма производства по уголовному делу;

– упрощенные производства – такие производства, которые требуют, в зависимости от категории дел, быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы, что достигается внесением существенных изменений в уголовно-процессуальную форму обычного производства [2, с. 76];

– производства с более сложными процессуальными формами. Для выделения этого вида самостоятельных производств первостепенное значение имеет наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство, или у лица, пострадавшего от преступления, а также интересы этих лиц.

Критерий сложности является вторичным по отношению к критерию направленности производств [3, с. 8–17, 21–23, 35–37, 40, 46].

Таковы общие положения модели уголовного процесса России, представленного в виде системы производств.

Перед нами стоит вопрос о месте судебного контроля над предварительным производством в системе производств уголовного процесса. К какому виду производств отнести данный институт, исходя из постулата, что весь уголовный процесс представляет собой совокупность самостоятельных судопроизводств? Обратимся, в первую очередь, к указанным выше критериям дифференциации, используя их применительно к единственному на сегодняшний день закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве России виду судебного контроля: производству по жалобам на арест и продление срока содержания под стражей (ст. ст. 220.1, 220.2 УПК РСФСР).

Данный вид судебного контроля представляет собой уголовно-процессуальное производство, т.е. определенную деятельность, урегулированную нормами уголовно-процессуального права (о таком понятии производства см. [4, с. 4]). Об этом же говорит и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ № от 27.04.93 г.: “При поступлении жалобы в суде заводится отдельное производство...” [5]. Речь идет о внешнем, документальном выражении и процессуальной деятельности суда. На первый взгляд, это производство не направлено на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и содержании такового. На это прямо указывает п. 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 27.04.93 г.: “...судья не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности содержащегося под стражей лица в инкриминируемом ему преступлении” [5]. Значит, его нельзя отнести к основным производствам. Не направлено оно и на изменение (досрочное прекращение) установленного и закреплённого приговором суда материального правоотношения, и соответственно нет оснований рассматривать данное производство как дополнительное. Исходя из критерия направленности это производство можно отнести к числу особых. Действительно, в его основе лежат отношения, не имеющие, на первый взгляд, материального, уголовно-правового характера. В данном случае речь идет, скорее, об административно-правовых отношениях, основанных на властных полномочиях следователя, органа дознания и прокурора по применению к лицу, в отношении которого ведется основное производство принудительных мер. Рассматриваемое производство направлено на разрешение вопроса о соблюдении всех норм уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих порядок применения заключения под стражу как меры пресечения – меры принудительного характера, а также вопро-

са о наличие в представленных материалах сведений, подтверждающих необходимость применения подобной меры либо продление ее срока.

Судебная проверка законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей может быть определена как разновидность особого производства. Казалось бы на этом можно закончить рассуждения о месте судебного контроля (в рамках рассмотренного примера) в системе производств уголовного процесса. Однако ситуация представляется несколько сложнее.

Производство по жалобе на арест не может рассматриваться вне рамок основного производства по делу. Мера пресечения в виде заключения под стражу избирает и властными полномочиями закрепляет следователь, орган дознания, прокурор в процессе производства предварительного расследования и именно действия этих должностных лиц подлежат обжалованию по смыслу ст. 220.1 УПК РСФСР. Представляется возможным говорить о том, что и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, и обжалование данного действия в суд, и последующее судебное производство по таким жалобам направлены на решение промежуточных (отнюдь немаловажных, но промежуточных) задач на стадии предварительного расследования, при решении основных задач основного производства.

Кроме того, в уточнении нуждается вышеприведенная гипотеза о том, что производство по жалобам на применение в виде меры пресечения заключения под стражу не имеет материального, уголовно-правового содержания. Согласно ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР заключение под стражу может быть применено к лицам, обвиняемым в довольно широком круге преступлений, по мотивам одной лишь опасности преступления. Общественная опасность, тяжесть преступления – аспект уголовно-правовой, и зачастую именно он играет решающую роль в вопросе об избрании меры пресечения. Соответственно и обжалование ареста, и производство по таким жалобам так или иначе, прямо или косвенно, участвуют в решении вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержании. Указываемое ранее нормативное положение о неправомочности суда входить в обсуждении вопроса о виновности лица, содержащегося под стражей, в совершении преступления, вызывает справедливую, на наш взгляд, критику со стороны ряда ученых, говорящих о том, что подобное ограничение представляет собой сужение функции судебного контроля, превращения его в формальность [6, с. 67–70; 7].

Институт судебной проверки законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей в литературе именуют “промежуточным вариантом” ареста по решению суда, и с этим следует согласиться [7]. Статьей 22 Конституции РФ арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Вряд ли можно представить ситуацию, что суд, решая вопрос об аресте, заключении под стражу, игнорировал бы вопросы о том преступлении, в котором обвиняется конкретное лицо, достаточ-

ности собранных доказательств для обвинения, признания или непризнания вины обвиняемым, одним словом, все те аспекты, которые составляют существо уголовно-правового отношения, вопрос о котором решается в рамках уголовно-процессуального производства.

Решает суд и вопрос о самом существовании такого правоотношения, и о его содержании: придя к выводу о недоказанности либо недостаточной доказанности обвинения, решения об аресте не примет. Таким образом, судебный контроль в виде производства по жалобам на арест решает или, по крайней мере, должен решать вопросы уголовно-правового характера. Соответственно появляется возможность рассматривать данный вид контроля как производство, относящееся к основным.

Представляется, что в рамках основного производства есть основание характеризовать рассматриваемый институт как упрощенное производство. Сформулируем определение последнего. Наиболее полным и всесторонним представляется определение, выдвинутое Т.В. Трубниковой. Она пишет: “Упрощенное производство в уголовном процессе – это производство по категории дел, обладающей особенностями, объективно требующими быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы...” [2, с. 76; 8, с. 11; 9, с. 25]. Рассматриваемое производство отвечает требованиям, содержащимся в настоящем определении.

Во-первых, это производство не по всем уголовным делам, а лишь по отдельной их категории – по делам, где в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу (с учетом проанализированной выше нормы ст. 96 УПК РСФСР). Во-вторых, данная категория дел действительно объективно требует быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы. Быстрота здесь является критерием необходимым, ведь вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность. Чем быстрее в данном случае будет исправлена данная ошибка, тем быстрее будет восстановлено одно из важнейших конституционных, общечеловеческих прав личности.

Кроме того, быстрота объективно обусловлена требованиями ст. 121 и 133 УПК РСФСР, устанавливающими сроки производства дознания и предварительного следствия, не соблюдение которых является серьезным нарушением уголовно-процессуальных гарантий прав личности и задач уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР) [10]. Нельзя обойти вниманием и сроки, установленные ч. 3 ст. 220.1 и ч. 2 ст. 220.2 УПК РСФСР. Пленум Верховного Суда РФ от 29.09.94 г. № 6 разъяснил судам, что “в соответствии со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, вступившего в силу 23 марта 1976 г... каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания...” [11].

Простота уголовно-процессуальной формы выражается в ликвидации ненужных в данном случае процессуальных формальностей. При этом автор придерживается определения уголовно-процессуальной формы, данного М.Л. Якубом, который понимает последнюю как «совокупность процессуальных условий производства по уголовному делу в целом и каждого отдельного следственного и судебного действия» [12]. Изменение этих условий в сторону упрощения приводит к большей доступности их в целях реализации прав и законных интересов личности, а также существенно влияют и на быстроту осуществления процедуры.

Термин «упрощение» ни в коем случае нельзя понимать, как исключение из процесса каких-либо институтов, могущих повлиять на гарантии прав личности или сужающих цели и задачи уголовного судопроизводства в целом. Речь идет лишь о ликвидации ряда формальностей, затрудняющих процедуру и затягивающих ее по времени.

Как видим, для решения поставленных перед анализируемым производством задач, выполнения всех предписаний закона (в первую очередь, относительно сроков производства) данное производство должно быть и является упрощенным судебным производством.

Нельзя забывать, что мы рассматриваем производство по жалобам на арест и продление сроков содержания под стражей лишь в качестве примера судебного контроля. Уже упоминавшаяся нами ст. 22 Конституции РФ допускает арест, заключение под стражу и содержание под стражей только по судебному решению. В настоящее время реализации данного положения не существует и нельзя точно указать, в какой форме такое решение будет приниматься. Однако, учитывая опыт зарубежных стран (который будет подробно анализироваться в дальнейшем), обоснованным представляется предположить, что решение об аресте будет приниматься в рамках самостоятельного, упрощенного уголовного судопроизводства. Таким образом, мы видим, что судебный контроль может рассматриваться как упрощенное производство в рамках основного. Возникает вопрос: не нарушают ли рассмотренные нами виды судебного контроля за предварительным производством систему стадий, сложившуюся в уголовном процессе?

М.С. Строгович отмечал, что «последовательность уголовного процесса в их связи друг с другом и образуют систему уголовного процесса» [13]. Не нарушает ли производство в рамках судебного контроля данную систему? Ведь анализируемые институты неразрывно связаны со стадией предварительного расследования, характерной для обычных производств в рамках основного. Мы же охарактеризовали их как производства упрощенные. Возможно ли одновременное существование в рамках одной стадии двух производств: обычного и упрощенного?

Ответ на это вопрос дал Ю.К. Якимович. Он писал: «Структуру стадии можно представить не только в виде вертикальных элементов, этапов, отдельных процессуальных действий, но и ... в виде «горизонтальных» элементов. В этом смысле структура стадии соответствует

структуре уголовного процесса в целом, поскольку также имеет «горизонтальный» и «вертикальный» срезы. Каждый «горизонтальный» элемент стадии включает в себя и общее, присущее стадии в целом, и особенное, характеризующее именно этот элемент, специфику процессуального режима деятельности» [3, с. 25].

Автор разделяет эту точку зрения и полагает, что она как нельзя лучше позволяет соотнести институт судебного контроля как самостоятельное уголовное судопроизводство, деятельность, имеющую свои обособленные цели, с деятельностью, которой характеризуется стадия предварительного расследования. Представив эту стадию «по горизонтали», мы увидим, что такой элемент, как судебный контроль, включает в себя и общее, характерное для стадии в целом – решение вопросов о существовании уголовно-правового отношения и его содержании, так и специфическое, характерное только для данного института: решение вопроса о применении меры процессуального принуждения в виде меры пресечения – заключения под стражу.

Подведем итог вышеприведенным рассуждениям. Судебный контроль за предварительным производством представляет собой самостоятельное уголовно-процессуальное производство, которое можно рассматривать и как упрощенное судопроизводство в рамках основного, и как особое производство. Причем если мы будем базироваться не только на нормах УПК РСФСР, но и на нормах Конституции РФ, а также учитывать зарубежные аналоги, то не трудно заметить, что производство по решению судом вопроса об аресте больше «тяготеет» к упрощенному судопроизводству, для производства же по жалобам на арест и продление срока содержания под стражей более характерны черты особого производства.

На сегодняшний день такое разделение этих производств невозможно. Нельзя забывать и о том, что оба эти производства являются частями единого целого – института судебного контроля над предварительным производством. Для более полного и конкретного определения места этого института в системе уголовных судопроизводств представляется возможным в совокупности и последовательно использовать два пути решения данной проблемы: 1) дальнейшее углубление дифференциации уголовных судопроизводств; 2) системный подход.

Говоря об углублении, о дальнейшей дифференциации уголовного судопроизводства, мы в первую очередь говорим о дифференциации особого производства. В литературе данное производство не дифференцировалось, однако возможность и необходимость таковой дифференциации отмечалось [3, с. 22]. Если ранее законодательством был предусмотрен лишь один вид особого производства – производство по применению принудительных мер медицинского характера, то сейчас можно вести речь о существовании еще одного особого производства. Следовательно, необходимость дифференциации особого производства назрела и необходимо найти тот критерий, по которому данная дифференциация будет возможна.

Как уже отмечалось, в основе особых производств лежат отношения, не имеющие уголовно-правового ха-

рактера. Предметом производства по применению принудительных мер медицинского характера является вопрос о наличии или отсутствии оснований для применения таких мер. Предметом же производства по жалобам на применение в качестве меры пресечения заключения под стражу является вопрос о наличии или отсутствии основания для применения подобной меры.

И первое, и второе из рассмотренных производств решают вопросы о необходимости применения в отношении лица уголовно-процессуального принуждения. Заключение подозреваемого и обвиняемого под стражу в литературе относят к группе мер процессуального принуждения, обеспечивающих процесс собирания, проверки и оценки доказательств, установление истины по уголовному делу [14, с. 9]. Принудительные меры медицинского характера, как правило, не относят ни к какой из групп мер процессуального принуждения (традиционно их выделяют пять) [14, с. 9–10]. Однако то, что данные меры принадлежат к мерам уголовно-процессуального принуждения, сомнений не вызывает и не оспаривается.

Таким образом, особые производства, исходя из норм действующего уголовно-процессуального законодательства, направлены на решение вопроса о необходимости применения мер принуждения. Представляется возможным сделать вывод о том, что критерием дифференциации данного вида производств должны служить те меры (группы мер) уголовно-процессуального принуждения, вопрос о необходимости применения которых является предметом конкретного особого производства. В том случае, если законодатель пойдет по пути расширения сферы судебного контроля и судебной проверки, а возможно, и судебному решению будут подлежать вопросы о наличии или отсутствии оснований для применения таких мер уголовно-процессуального принуждения, как обыск, выемка, привод участников процесса и т.д. в рамках предварительного расследования, эти производства также будут особыми и будут дифференцироваться в зависимости от указанного критерия. Однако, как мы уже видели, судебный контроль над предварительным производством не может быть рассмотрен исключительно как особое производство. Он не отделен от основного производства по делу. Для окончательного разрешения вставшей перед нами дилеммы обоснованным представляется использовать такой общенаучный метод исследования, как системный подход.

Собственно, можно лишь условно говорить о том, что только на данной стадии нашего исследования мы используем этот метод. Системный подход – универсальный инструмент познавательной деятельности, как система может рассматриваться любое явление [15, с. 7]. Вся та модель уголовного процесса, которую мы использовали, есть система, как система она и рассматривалась. Другое дело, что на предшествующих стадиях исследования мы не использовали категориального и аналитического аппарата собственно системного метода познания, оперируя лишь категориями юридической науки. Теперь же, когда перед нами стоит задача конструирования сложной динамической целостности – судебного контроля над предварительным производством и

определения ее места в сложной иерархической системе современного уголовного процесса, использование этого аппарата неизбежно и незаменимо [16].

Рассмотренные нами категории – уголовный процесс, виды и подвиды его производств с точки зрения системного подхода являются иерархическими системами (уголовное судопроизводство в целом и виды судопроизводств) и ординарными системами (отдельные подвиды производств). Но из теории системного метода исследования известно, что существует и третий вид систем – системы комплексные, возникающие при использовании в рамках системного метода исследования комплексного подхода [17]. Комплексный подход следует рассматривать как особую разновидность системного подхода. Прав В.Н. Протасов, который отмечал: “Системный подход приобретает форму комплексного тогда, когда речь идет об исследовании систем, в состав которых входят элементы, одновременно функционирующие в других системах... с которыми комплексные системы на этом основании связаны сложными функциональными и иными зависимостями... Комплексный подход порожден необходимостью исследования комплексов как особых систем” [15, с. 20–21].

На наш взгляд, именно такой подход позволит определить то место, которое занимает объект нашего исследования в системе уголовно-процессуальных производств. Как было отмечено ранее, судебный контроль за предварительным производством содержит в себе несколько отдельных видов контроля, количество которых имеет тенденцию к расширению. Таким образом, есть все основания говорить о данном институте как об определенном комплексе.

Поскольку мы определили, что производства, составляющие судебный контроль, могут рассматриваться как упрощенные в рамках основного производства, и как особые, и в настоящее время нет такого критерия, который позволил бы однозначно отнести судебный контроль к одному из этих видов производств, единственным возможным выводом представляется рассмотрение исследуемого института как комплексной системы, обладающей элементами, характерными одновременно для различных систем видов производств. Предложенная модель никоим образом не противоречит той системе производств уголовного процесса, которая положена в основу данного исследования. Коль скоро она сама есть система и соответственно построена на принципах и категориях системного подхода, ей не могут быть чужды эти принципы и категории. Следовательно, существование в системе уголовных судопроизводств комплексных систем научно оправдано и обосновано.

Подводя итоги исследованиям и рассуждениям, содержащимся в данной статье, возможно сделать следующие выводы.

1. Судебный контроль за предварительным производством – самостоятельный вид уголовно-процессуального производства.

2. Судебный контроль неотделим от основного производства, вне рамок которого он ни существовать, ни рассматриваться не может.

3. В рамках основного производства виды судебного контроля существуют как упрощенные производства.

4. Вместе с тем судебный контроль за предварительным производством обладает чертами, присущими особому производству.

5. В настоящее время нет оснований для выделения критерия, позволяющего однозначно отнести судебный контроль либо к основному, либо к особому производству.

6. Судебный контроль над предварительным производством может быть представлен как определенное комплексное образование, комплексная система, соединяющая в себе черты основного и особого производств и структурно состоящая из отдельных видов контроля, которые, в свою очередь, сами являются уголовными судопроизводствами (комплекс видов контроля).

В данном случае мы столкнулись с новым, не имевшем ранее места, уголовным судопроизводством. Объяснить это можно тем, что и в уголовно-процессуальном законодательстве данный институт является новеллой. Отсутствие достаточной практики применения также затрудняет определение его природы. Таким образом,

можно предложить общее определение судебного контроля над предварительным производством как элемента системы уголовных судопроизводств. *Судебный контроль над предварительным производством – самостоятельное, комплексное уголовно-процессуальное производство, сочетающее в себе одновременно основные черты основного (упрощенного) и особого производств, не сводимое, однако, ни к одному из этих видов производств.*

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства и, в первую очередь, приведение его в полное соответствие с Конституцией РФ, возможно, позволит сформулировать более полное и конкретизированное определение. Исследование комплексных образований в системе уголовного процесса также, на наш взгляд, имеет прогрессивное будущее. Что же касается ситуации, имеющей место на сегодняшний день, то рассмотрение судебного контроля над предварительным производством в уголовном процессе возможно только как комплексного образования, выполняющего свои, специфические функции, имеющего особые цели и задачи в рамках уголовного судопроизводства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. М., 1979. С. 18–20
2. Трубникова Т.В. Упрощенные судопроизводства в уголовном процессе России: Дис. канд. юр. наук. Томск, 1997.
3. Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск: Изд-во ТГУ, 1991.
4. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во ТГУ, 1994.
5. *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 1993. № 7.
6. Петрухин И.Л. Судебные гарантии прав личности в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 3. М., 1992.
7. Якимович Ю.К. Прокурорский надзор и судебный контроль за предварительным расследованием // Ю.К. Якимович. Избранные статьи (1985 – 1996). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 57.
8. Цыганенко С.С. Ускоренное судопроизводство: преступления, не представляющие большой общественной опасности. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун., 1993. С. 11.
9. Волынская О.В. Ускоренное производство в уголовном процессе: Пособие. М., 1994. С. 25.
10. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973. С. 126–131.
11. Сборник постановлений Пленумов Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 569
12. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. (Понятие и свойства) // Сибирские юридические записки. Вып. 3, Иркутск; Омск, 1973. С. 161.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 66.
14. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.
15. Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991.
16. Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 272–274.
17. Шварев В.С., Юдин Б.Г. Методологический анализ науки (его сущности, основные типы и формы). М., 1980. С. 37–38.

Статья представлена кафедрой уголовного процесса юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 1 октября 1998 г.

УДК 343.122

М. В. Танцеров

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ

Практически сразу после принятия УПК РСФСР 1960 г. между учеными-процессуалистами возник спор о возможности признания в уголовном процессе юридического лица потерпевшим. Анализируются существующие точки зрения по данному вопросу. Приводятся аргументы в пользу признания юридических лиц потерпевшими. Помимо анализа уголовно-процессуального и уголовного законодательства, в качестве доводов используются результаты изучения судебной практики и анкетирования следователей.

Определение потерпевшего, закрепленное законодателем в ст. 53 УПК РСФСР, дает повод к возникновению вопроса – только ли физическое или также юридическое лицо может быть признано в уголовном процес-

се потерпевшим. Это связано с тем, что в данной статье УПК РСФСР использован термин “лицо”.

Дискуссия в научной литературе по этом вопросу ведется уже не одно десятилетие, причем сторонников как